

НЕЮБИЛЕЙНЫЕ ПРИЗНАНИЯ

Нужен ли нам сегодня Рахманинов?

Межависновская газ. — 1993. — 16 апр. — С. 7.

Анатолий Агамиров

Мастер

ПОЧЕМУ НЕЮБИЛЕЙНЫЕ?

Потому что юбилейные рахманиновские даты, а именно: 50 лет со дня смерти и 120 лет со дня рождения, недавно прошли и, с моей точки зрения, были почти что не замечены. Я понимаю — сейчас другое время: мы постепенно отвыкаем от торжественных концертов с неслучайным присутствием членов правительства и партийных функционеров. Мы, слава Богу, также постепенно отвыкаем от торжественных «телебляней», где непонятно, чей юбилей отмечается, то ли великого художника, то ли раздувшихся от временной популярности комментаторов и комментаторш. Этого в отношении Рахманинова удалось избежать. Не знаю, произошло ли это специально или вена «тревоги нашей» не располагала к музыкальным откровениям, но, безусловно, мы упустили хороший случай не только приобрести думающую публику к высокой музыке, но и заставить ее еще раз задуматься о судьбе творческой личности в России. Вот почему я пишу о необходимых признаниях. Время ушло, информационный повод, как говорят в журналистике, опоздал на полмесяца, а мысли, причем весьма невеселые, о Сергее Васильевиче Рахманинове, о судьбе его музыки в нашей стране и за ее пределами не покидают меня.

Рассказывают, причем даже описывают такой эпизод в биографии еще юного Рахманинова. Он в качестве аккомпаниатора давал концерты с Шаляпиным в Ялте. На одном из них присутствовал Чехов. Когда отгремели овации, всевозможные венки, корзины с цветами не уместились на сцене, восторженная публика бросилась, естественно, к певцу. Едва не растерзали на клочки. Поклонники есть поклонники. Юный Рахманинов скромно сидел в углу артистической. Его еще мало кто знал, кроме профессиональных московских музыкантов. А вот Антон Павлович Чехов подошел прямо к нему и заявил: «Я все время смотрел на вас, молодой человек, у вас замечательное лицо; вы будете большим человеком...» Воля ваша, но что-то в этом эпизоде, достаточно известном по страницам поверхностных мемуаров, отдает явной фальшью. Как-то не вяжется такая категоричность в устах деликатнейшего Антона Павловича с моими, во всяком случае, представлениями о чеховской этике. С Шаляпиным он, разумеется, был хорошо знаком. И, вероятнее всего, повел бы себя, попади он в артистическую в действительности, несколько иначе. Замечу также, что не любил Чехов закулисных откровений, лобзаний, комплиментов, о чем писал и говорил неоднократно. У нас просто есть такая традиция: доказывать, а если нет доказательств, то их придумывать, чтобы показать преемственность великих явлений в русском искусстве. И не нужен Чехов для обоснования гения Рахманинова. У Сергея Васильевича есть явный духовный и эстетический отец в музыкальном искусстве. Тот, который, перегнувшись через барьер ложи в Большом театре, неистово аплодировал на премьере оперы «Алеко». Это Петр Ильич Чайковский. Вот откуда беспредельные грустные российские дали в музыке Рахманинова. Вот откуда его трагическое ощущение бытия, подчас даже гиперболизированное. Вот откуда неуклонное требование высокого профессионализма, как в исполнении музыки, так и в ее сочинении.

И так же как с Чайковским, особенно в первые годы после октябрьского переворота и с Рах-

маниновым еще в его юности стоял вопрос: а нужна ли нам такая музыка? Например, известный в начале века русский музыкальный критик Л. Сабанеев писал: «Рахманинов был вообще каким-то ихтиозавром на музыкальном небосводе, вымирающим крупным видом, одним из той породы, что умеют лирически вздыхать и грезить о луне и любви, в то время когда кругом уже речи далеко не любовные». Эта сомнительная по литературным достоинствам и содержанию цитата дается по первоисточнику и абсолютно точно. Напоминаю, Сабанеев формировал и во многом определял музыкальные вкусы в России в первые десятилетия нашего века. Чему же удивляться? Когда Рахманинов попал в эмиграцию, обвинения такого рода в адрес его музыки посыпались как из рога изобилия. Никто не отрицал, да и не мог отрицать его величия за фортепиано. Безусловно, в XX веке в России, да и во всем мире рядом с Рахманиновым-пианистом можно назвать только одно имя — Владимир Горовец. Сам Сергей Васильевич полусерьезно говорил, что некоторые его сочинения Горовец играет лучше автора. Как бы то ни было, авторитет Рахманинова-пианиста был и остается непрекращаемым. С музыкой дело обстоит сложнее. Уже тогда, с начала 20-х годов, во Франции, в Германии, в Соединенных Штатах — там, где формировалась современная музыкальная мысль, вовсе раздавались голоса, в том числе весьма авторитетные, что Рахманинов — прелестное явление века XIX, что сегодня так писать нельзя. Только можно играть, как он... Недавно автор статьи услышал от московского консерваторского композитора, очень молодого, очень крепко выученного, технически оснащенного по последнему слову академической моды, нижеследующее: «Конечно, и я успел переболеть Рахманиновом. Но, слава Богу, преодолел, насколько смог...» Вот так. Ни больше, ни меньше. Рахманинову доставалось за Чайковского и Танеева, а нынешние молодые считают его влияние

ближайшего друга Рахманинова Бунина. Только после смерти Сталина мы издали «Жизнь Арсеньева». В 1954 году Яков Зак исполнил наконец «Рапсодию на тему Паганини» Рахманинова. Вот вам и Родина, «благодарная» Родина. К сожалению, очень редко звучит у нас вокально-симфоническая поэма Рахманинова «Колокола». Стихи Эдгара По в переводе Константина Бальмонта. Эту партию тоже не решались играть после революции, мол, мистицизм, туманность образов, декадентство. Вот что никогда Рахманинову не было свойственно. Он всегда искренне, открыто высказывал свои мысли, в том числе и политические. Немного словие Рахманинова, его сдержанность не должны вводить в заблуждение. Русский дворянин, монархист, он трагически пережил катастрофу, постигшую Россию. Реагировал на нее естественным для своего положения, происхождения образом: уехал, чтобы не присутствовать, не участвовать. Но трагедия личной судьбы от этого не стала меньше. Патриотизм Рахманинова, его русская особость никогда не носили демонстративный характер. Он и русские народные песни никогда не цитировал, кроме знаменитого сочинения для хора и оркестра в конце своей жизни. Но Россия в нем жила всегда, и чем дальше он от нее был, тем трагичнее она ему рисовалась. Да и когда казалось, что ничего еще не предвещает несчастья, траурный российский набат звучал не только в знаменитых вокально-симфонических «Колоколах», а и в прелюдиях, этюдах, фортепианных концертах. Его слышали, да не прислушались. Никому в голову не пришло, что еще до революции Рахманинов создал в музыке свой град Китеж, где и под водой колокола не дают жить спокойно сердцам, любящим Россию без истерии, без всяких спекуляций, без сиюминутных выгод, а исключительно во славу и добродетель Ее.

Строгость и сдержанность Рах-

С. В. Рахманинов в последние годы жизни

чем-то вроде дурной болезни. «И никто не додумался тихо встать на колени» и хотя бы вспомнить о том, что Рахманинов — такая же неотъемлемая часть прекрасной русской действительности, которой никогда больше не будет, как Бунин, Чехов, Левитан, Коровин, Шаляпин, Станиславский. Наши броски в модернизм, художественный и политический, уже принесли неисчислимые беды, а мы все продолжаем.

Рахманинова попросту забывают. Мне, конечно, возразят — громадная популярность в музыке, исполнители обожают и т. д. и т. п. Вспомните, однако, с 1918 по 1954 гг. немногочисленные сочинения Рахманинова, написанные в эмиграции, на Родине почти не исполнялись. Официального запрета не было. Это когда-то само собой разумелось. То же самое отношение, что и к книгам

Рахманинова за фортепиано, где он, как утверждают люди, слышавшие его на концертах, был каждый раз новый и неожиданный, колоссальная гипнотическая сила воли, которую Рахманинов проявлял за дирижерским пультом, о чем мы вообще мало знаем, требуют особого внимания. Как и вообще его личность в истории русской и современной музыки. Не боюсь категорического утверждения: Рахманинов — музыкант, человек, русский патриот, дворянин, интеллигент — нужен нам сегодня еще больше, чем вчера. Его музыка, как и судьба, безупречна и прекрасна. Они — прямое отражение тернистости российского пути, который можно было бы пройти, только сверяя свою честь и достоинство с достоинством таких людей, как Сергей Васильевич Рахманинов.